

АНТОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

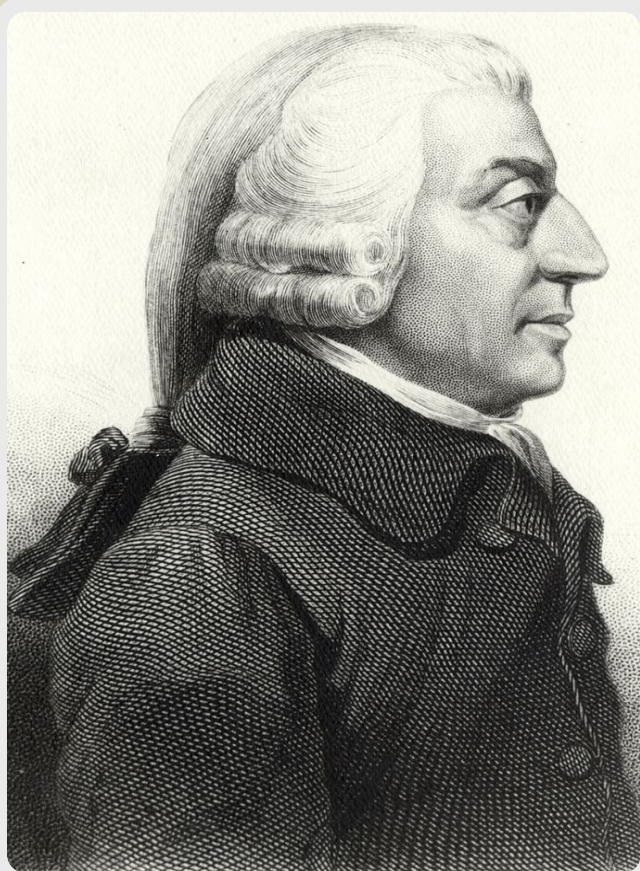
Центр гуманитарных знаний (260 ауд.) представляет выставку серии «Антология экономической мысли», в которой представлены труды великих ученых экономической науки - Адама Смита, Давида Рикардо, Стюарта Милль, Альфреда Маршалла, Йозефа Шумпетера. Сочинения опубликованы в полном варианте, с целью – сделать доступными для российского читателя памятники мировой экономической литературы, способствовать подъему уровня российской экономической мысли.

65.02

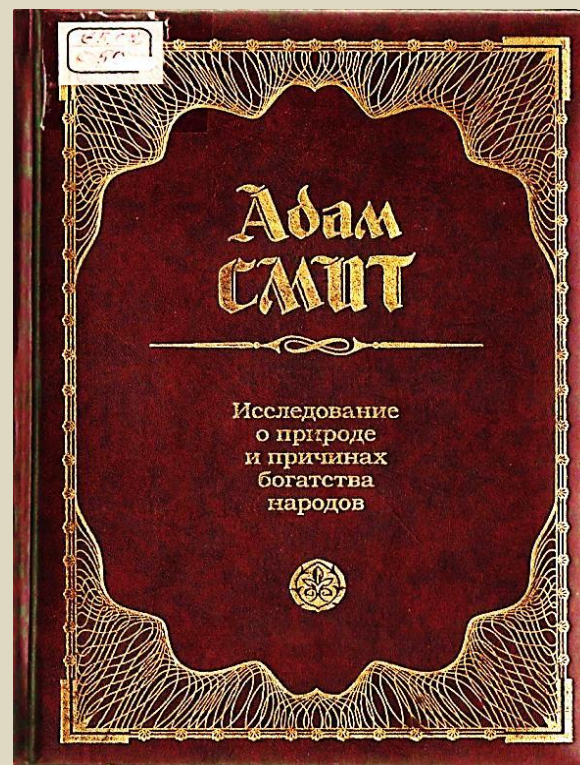
С50

Смит, Адам.

Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] = Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations : пер. с англ. / А. Смит ; авт. предисл. В. С. Афанасьев. - М. : Эксмо, 2007. - 957 с.

Адам Смит (1723 – 1790) – шотландский экономист, один из основоположников современной экономической теории.

Глава II

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ВВОЗА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ
ТАКИХ ПРОДУКТОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ
ПРОИЗВОДИМЫ ВНУТРИ СТРАНЫ

Ограничением при помощи высоких пошлин или абсолютным воспрещением ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут производиться внутри страны, более или менее обеспечивается монополия внутреннего рынка для отечественной промышленности, занятой их производством. Так, запрещение ввоза из-за границы живого скота или солонины обеспечивает скотоводам Великобритании монополию внутреннего рынка мяса. Высокие пошлины на ввозимый хлеб, которые в годы среднего урожая почти равносильны запрещению, дают такое же преимущество производителям этого товара. Запрещение ввоза иностранных шерстяных изделий столь же выгодно шерстяным фабрикантам. Шелковое производство, хотя и работающее исключительно на иностранном сырье, недавно добилося такого же преимущества. Производство полотна еще не добилося его, но прилагает большие усилия к этому. Многие другие отрасли промышленности таким же образом добились в Великобритании или полной монополии, или почти монопольного положения по отношению к своим соотечественникам. Люди, мало знакомые с таможенными законами, нелегко могут представить себе все разнообразие и многочисленность товаров, ввоз которых в Великобританию воспрещен или абсолютно, или при известных условиях.

Не может подлежать сомнению, что такая монополия внутреннего рынка часто служит большим поощрением для отрасли промышленности, пользующейся ею, и нередко привлекает к ней большую долю труда и капитала общества, чем это было бы при других условиях. Но, пожалуй, не столь очевидно, ведет ли она к развитию всей промышленности общества в целом и дает ли ей наиболее выгодное направление.

Вся промышленность данного общества в целом не может никогда выходить за пределы, определяемые размером капитала этого общества. Поскольку количество рабочих, которым может дать занятие отдельное лицо, должно находиться в известном отношении к его капиталу, постольку и количество тех рабочих, которым могут дать постоянное занятие все члены обширного общества, должно также находиться в известном отношении ко всему капиталу этого общества и никогда не может превысить это соотношение. Никакое регулирование торговли не в состоянии вызвать увеличение промышленности какого-либо общества сверх того, что соответствует его капиталу. Оно может лишь дать некоторой части промышленности такое направление, в

каком она без этого не могла бы развиваться, и отнюдь не представляется несомненным, что это искусственное направление более выгодно для общества, чем то, по какому она развивалась бы, если бы была предоставлена самой себе.

Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоды общества. Но когда он принимает во внимание свою собственную выгоду, это естественно, или, точнее, неизбежно, приводит его к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу.

Во-первых, каждый человек старается приложить свой капитал по возможности поближе к своему дому и, следовательно, по возможности для вложения в отечественную промышленность при том неизменном условии, что он может таким путем получить обычную или почти обычную прибыль на капитал.

Так, при условии одинаковой или почти одинаковой прибыли всякий оптовый купец, естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле для нужд потребления, а внешнюю торговлю для нужд потребления — транзитной торговле. При занятии внутренней торговлей его капитал никогда не уходит из рук на столь продолжительное время, как это часто бывает во внешней торговле для нужд потребления. Он может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие, а если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, у которой должен искать помощи. В транзитной торговле капитал купца как бы делится между двумяграничными странами, ни малейшая часть его не возвращается необходимо домой и не оказывается под его непосредственным контролем и в его распоряжении. Капитал, который амстердамский купец затрачивает на доставку хлеба из Кёнигсберга в Лиссабон и фруктов и вина из Лиссабона в Кёнигсберг, должен обычно находиться наполовину в Кёнигсберге и наполовину в Лиссабоне. Ни малейшая доля его не должна попадать в Амстердам. Естественным местопребыванием такого купца должен был бы служить Кёнигсберг или Лиссабон, и только какие-либо особые обстоятельства могут заставить его предпочесть пребывание в Амстердаме. Впрочем, неудобство, причиняемое ему тем, что его капитал находится так далеко от него, обычно побуждает его доставлять в Амстердам часть кёнигсбергских товаров, предназначенных для Лиссабона, и часть лиссабонских товаров, предназначенных им для Кёнигсберга; и хотя это необходимо обременяет его двойным расходом на нагрузку и разгрузку, а также платежом лишних налогов и пошлин, он все же охотно идет на этот добавочный расход, лишь бы только всегда иметь в своем распоряжении и под своим контролем некоторую часть своего капитала. Таким-то образом всякая страна, принимающая сколько-нибудь значительное участие в транзитной торговле, становится всегда складочным местом или централь-

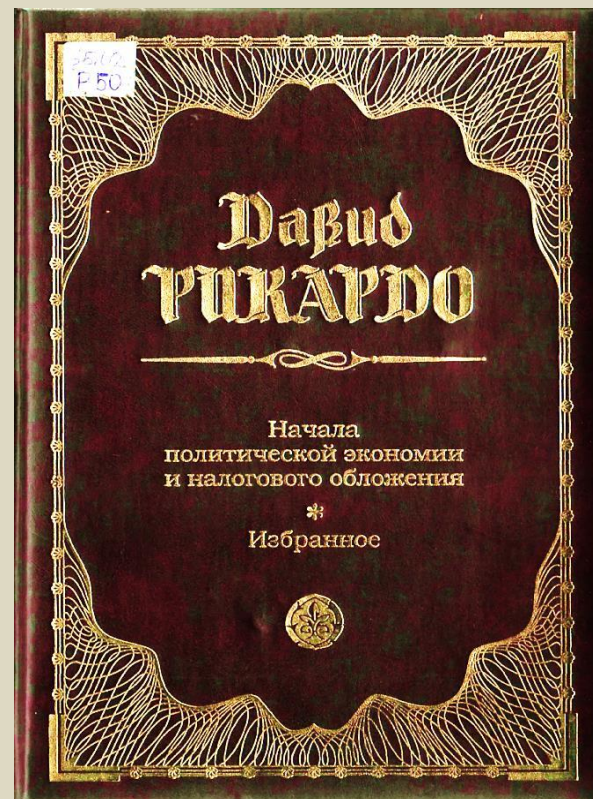
Давид Рика́рдо (1722 – 1823) — английский экономист, классик политической экономики, последователь и одновременно оппонент Адама Смита.

65.02

P50

Рикардо, Давид.

Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное [Текст] = Principles of Political Economy and Taxation : пер. с англ. / Д. Рикардо ; авт. предисл. П. Н. Ключин. - М. : Эксмо, 2007. - 954 с.

количество труда. Предположим теперь, что Англия узнает, что за шелковые изделия, которые она прежде вывозила в Шотландию, она может получить гораздо больше полотна из Германии, а Шотландия узнает, что в обмен на свое полотно она из Франции может получить гораздо больше шелковых изделий, чем из Англии. Разве в этом случае Англия и Шотландия не прекратили бы немедленно торговлю друг с другом и разве внутренняя торговля предметами потребления не превратилась бы немедленно во внешнюю? Разве, несмотря на то, что в этой торговле будут теперь принимать участие два новых капитала: один — германский, а другой — французский, — та же сумма шотландского и английского капитала не будет затрачиваться и в дальнейшем? И не будет ли она приводить в движение такое же количество промышленного труда, как если бы она была затрачена на внутреннюю торговлю?

Глава XXVII

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ И БАНКАХ

Так много* писали уже о денежном обращении, что из всех лиц, занимающихся вопросами этого рода, разве одни только предубежденные игнорируют его истинные принципы. Я поэтому ограничусь только кратким очерком некоторых законов, регулирующих количество обращающихся денег и их стоимость.

Стоимость золота и серебра, точно так же как и стоимость всех других товаров, пропорциональна количеству труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому, что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, а исключительно потому, что для получения определенного количества золота необходимо в 15 раз больше труда, чем для получения соответствующего количества серебра.

Количество денег, которое может быть употреблено в стране, зависит от их стоимости: если бы для обращения товаров употреблялось только одно золото, то количество его, которое потребовалось бы для этой цели, было бы в 15 раз меньше того количества серебра, которое было бы необходимо при использовании серебра для той же цели.

Обращение никогда не может быть настолько обильным, чтобы выйти из берегов, ибо, уменьшая стоимость средств обращения, вы в

* В первом издании глава начиналась следующими словами:

«Я не имею намерения утомлять читателя длинным рассуждением по вопросу о деньгах. Так много».

том же отношении увеличивает их количество, а увеличивая их стоимость, уменьшает их количество*.

Пока государство чеканит монету, не взимая никакой пошлины за чеканку, металлические деньги будут иметь такую же стоимость, как и любой кусок того же металла одинакового веса и пробы. Но если государство взимает известную пошлину за чеканку монеты, то стоимость вычеканенной монеты будет превосходить стоимость куска металла, не подвергнувшегося чеканке, на всю сумму взысканной пошлины, ибо на производство монеты требуется большее количество труда, или, что то же самое, она приобретает в обмен на стоимость продукта большего количества труда.

Пока одно лишь государство занимается чеканкой монеты, трудно поставить какие-либо пределы повышению пошлины за чеканку, ибо путем ограничения количества монет пошлина может быть поднята до какой угодно высоты.

Именно на этом принципе основывается обращение бумажных денег: все расходы, сопряженные с ним, могут быть рассматриваемы как пошлина за чеканку. Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, все же при ограничении их количества меновая стоимость их так же велика, как и стоимость монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах. В силу того же самого принципа, а именно благодаря ограничению количества, стертая монета могла бы обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по стоимости количества металла, который она действительно содержит. Вот почему, как это показывает история британского монетного дела, средства обращения никогда не обесценивались прямо пропорционально уменьшению их веса. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось прямо пропорционально уменьшению их внутренней стоимости¹.

[Полное понимание всех следствий, вытекающих из принципа ограничения количества денег, — вот что имеет наиболее важное значение в деле выпуска бумажных денег. Вряд ли кто-нибудь поверит лет через пятьдесят, что директора банков и министры серьезно утверждали как в парламенте, так и в парламентских комиссиях, будто вы-

* В первом издании имелось следующее примечание:

«Употребление золота и серебра устанавливает, таким образом, в каждой местности известную необходимость в этих товарах, и если страна обладает количеством, нужным для удовлетворения этой потребности, то все, что ввозится свыше того, представляет, не встречая спроса, бесплатную стоимость, не приносящую пользы их собственникам» (Iay, Vol. I, p. 187).

На стр. 196 г-н Сай говорит: «Предположим, что страна требует для нужд внутреннего сообщения 1 тыс. повозок, а на деле имеет 1 500. Тогда все повозки свыше 1 тыс. будут бесполезны». Отсюда он делает вывод, что если эта страна владеет большим количеством денег, чем это необходимо, то излишек не будет использован.

¹ Все, что сказано о золотой монете, относится в равной степени к серебряной, но нет никакой необходимости говорить в каждом отдельном случае об обеих.

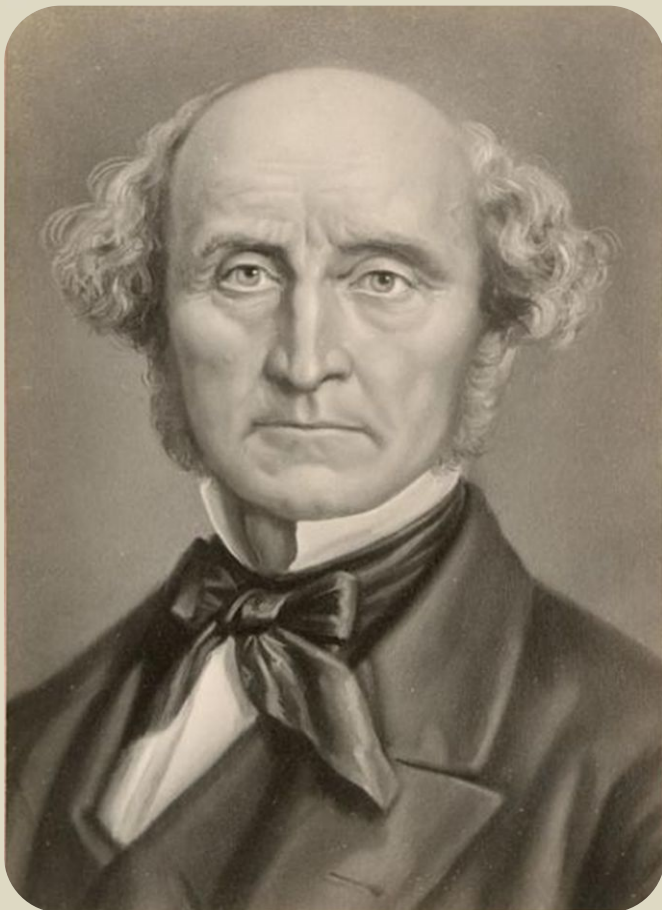

65.02

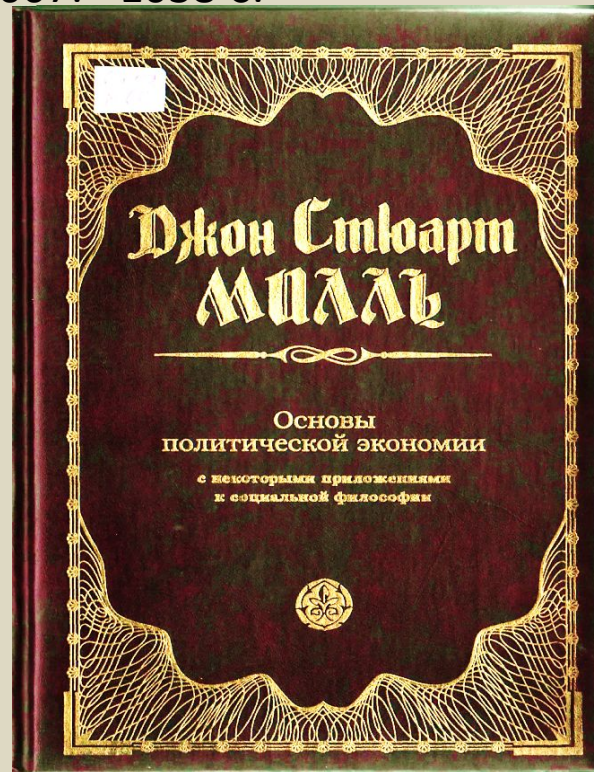
М60

Милль, Джон Стюарт.

Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии [Текст] = Principles of Political Economy : пер. с англ. / Дж. С. Милль ; авт. предисл. М. И. Туган-Барановский. - М. : Эксмо, 2007. - 1038 с.

Джон Стюарт Милль (1806 — 1873) — британский экономист, философ и политический деятель.

ствительно — и это реальный факт — слишком несоразмерно по отношению к средствам, предназначенным на выплату заработков. Стало ли давление численности населения на величину средств к существованию более сильным, чем в какой-нибудь прошлый период, или же нет, не имеет никакого практического значения, за исключением того, что если соотношение между численностью населения и средствами к существованию улучшается, то имеется большая надежда на то, что посредством должных содействующих и поощрительных мер можно заставить это соотношение изменяться к лучшему в более значительной степени и более быстро.

При обсуждении этого вопроса приходится бороться, однако, не против разума, но против чувства недовольства, которое примирится с неприятной правдой лишь тогда, когда будут исчерпаны все средства, позволяющие уклониться от признания этой истины. Необходимо поэтому приступить к подробному рассмотрению этих способов и опровергнуть каждое положение, подвеченное противниками принципа народонаселения в решимости найти для рабочих какое-то прибежище, какие-то внушающие доверие средства улучшения их положения, не требующие от трудящихся какого-либо, вынужденного или добровольного, усилия по самоограничению или сколько-нибудь большего, чем в настоящее время, контроля над животной способностью к размножению. Это и будет предметом следующей главы.

Глава XII

О ПОПУЛЯРНЫХ СРЕДСТВАХ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ НИЗКОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

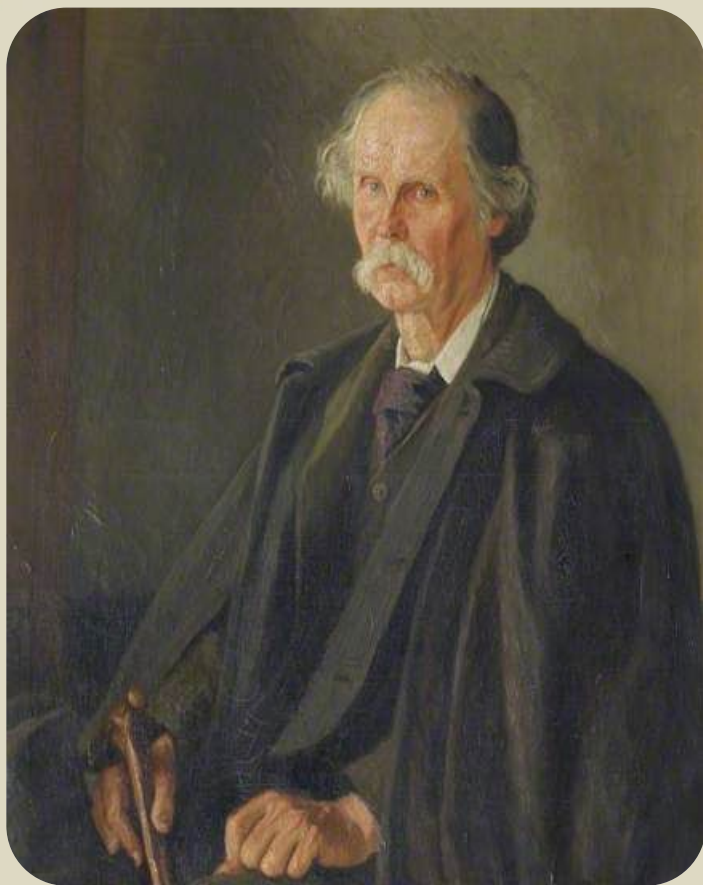
§ 1. Самую простое средство, какое только можно вообразить, поддержания заработной платы трудящихся на желаемом уровне, — установление ее в законодательном порядке; в сущности, это и является целью, достичь которую стремятся создатели различных, в разное время получивших и по-прежнему получающих распространение планов перестройки отношений между рабочими и нанимателями рабочей силы. Вероятно, никто и никогда не предлагал, чтобы размер заработной платы был постоянно фиксированным и оставался совершенно неизменным, так как интересы всех участвующих сторон часто требуют, чтобы заработная плата изменялась. Но кое-кто выдвинул предложения установить твердый минимальный уровень заработной платы, предоставив конкуренции определять ее изменения выше этого уровня. Другой проект, нашедший много защитников среди рабочих лидеров, состоит в создании советов, в Англии получивших название местных промышленных советов, во Франции — *conseil des prud'hommes* (посреднические советы) и др. В такие советы входили бы делегаты от рабочих и предпринимателей, которые, собравшись на конференцию, договаривались бы относительно нормы заработной платы и с помощью правительственной власти провозглашали бы эту норму обязательной как для предпринимателей, так и для рабочих. Осно-

вой для таких соглашений должны служить не состояние рынка рабочей силы, а естественная справедливость. Совет должен обеспечить, чтобы рабочие получали *справедливую* заработную плату, а капиталисты — *справедливую* прибыль.

Однако есть люди (но это скорее филантропы, интересующиеся положением трудящихся, нежели сами трудящиеся), которые с подозрением относятся к вмешательству власти в трудовые соглашения; они боятся, что вмешательство закона будет опрометчивым и невежественным. Эти люди убеждены в том, что две стороны, участвующие в таких соглашениях и имеющие противоположные интересы, в попытках привести эти интересы к равновесию посредством переговоров между своими представителями, ведущихся на основе принципов справедливости при отсутствии какого-либо формального правила для определения того, что является справедливым, лишь усугубят имеющиеся между ними разногласия, вместо того чтобы устранить их. Но то, чего нельзя добиться юридическими санкциями, эти люди хотят осуществить при помощи санкций нравственных. Они полагают, что каждый предприниматель *должен* платить *достаточную* заработную плату; и, если предприниматель не делает этого по собственной воле, его следует принудить к выплате таких заработков силой общественного мнения, причем мерилом достаточности заработной платы являются личные взгляды этих людей или то, что они считают мнением общественности. Думаю, что я верно представил здесь значительную часть мнений, существующих по данному вопросу.

В своих замечаниях я хочу ограничиться принципиальной стороной всех этих предложений, не принимая во внимание практические трудности, какими бы серьезными на первый взгляд они ни казались. Я буду исходить из того предположения, что при помощи того или иного из этих планов заработную плату можно было бы поддерживать на уровне более высоком, нежели тот, до которого она доведена действием конкуренции. Это предположение равносильно заявлению о том, что заработная плата будет иметь норму, превышающую тот максимум, который только можно допустить при имеющемся объеме капитала и предоставлении работы всем трудящимся. Ибо ошибочно предполагать, будто бы конкуренция попросту снижает заработную плату. В равной мере она является и тем средством, которое способствует росту заработной платы. В тех случаях, когда имеется определенное число безработных, эти безработные, если только их не содержат за счет благотворительности, вступают в конкурентную борьбу за получение работы, и заработная плата падает; но в тех случаях, когда все лишившиеся работы нашли себе занятия, заработная плата, даже в условиях полной свободы конкуренции, не будет более сокращаться. Относительно природы конкуренции имеют хождение странные представления. По-видимому, некоторые люди воображают, что действие конкуренции как бы безгранично: что конкуренция продавцов может понизить цены, а конкуренция работников свести заработную плату почти до нуля или же до некоторого неопределенного минимума. Ничто не может быть более необоснованным, чем это представление. Конкуренция может снизить цены на товары только до того уровня, который

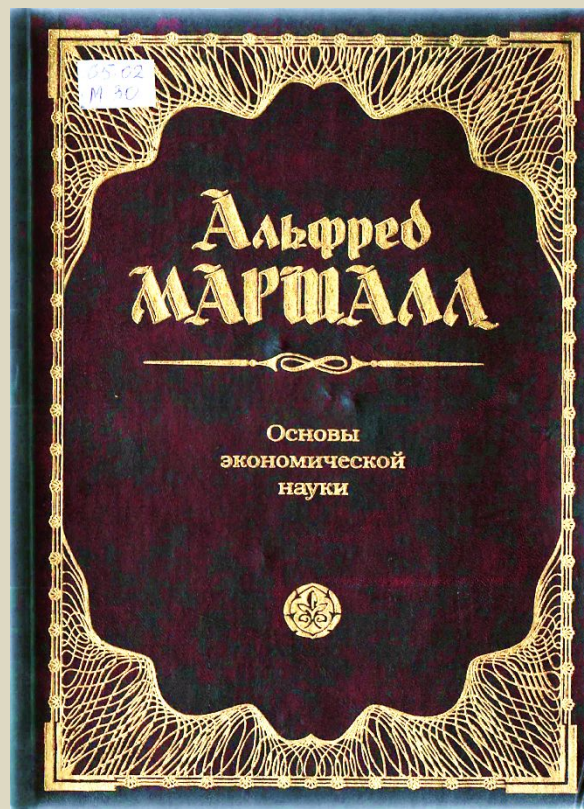
Альфред Маршалл
(1842—1924) — английский экономист, основоположник неоклассического направления в экономической науке.

65.02

М30

Маршалл, Альфред.

Основы экономической науки [Текст]
= Principles of Economics : пер. с англ. / А.
Маршалл ; авт. предисл. Дж. М. Кейнс. -
М. : Эксмо, 2007. - 831 с.

принято несколько попыток решить эту задачу, а недавно такого рода исследования стали все более энергично вестись не только там, но также в Америке и Англии¹.

¹ Здесь можно привести построенную великим статистиком Энгелем единую таблицу потребления низших слоев, средних классов и рабочего класса в Саксонии в 1857 г., поскольку эта таблица послужила руководством и образцом в появившихся затем исследованиях.

Статья расходов	Структура расходов семьи		
	рабочего с доходом 45-60 ф. ст. в год, %	рабочего с доходом 90-120 ф. ст. в год, %	представителя средних классов с доходом 150-200 ф. ст. в год, %
1. Продукты питания	62,0	55,0	50,0
2. Одежда	16,0	18,0	18,0
3. Жилье	12,0	12,0	12,0
4. Освещение и отопление	5,0	5,0	5,0
5. Образование	2,0	3,5	5,5
6. Юридическая защита	1,0	2,0	3,0
7. Медицинские услуги	1,0	2,0	3,0
8. Отдых и развлечения	1,0	2,5	3,5

Бюджеты рабочих семей составлялись и сравнивались часто. Но, как и все данные подобного рода, они страдают недостатками, обусловленными, во-первых, тем, что люди, добровольно берущие на себя труд собирать такие данные, не являются средними людьми, а люди, ведущие строгий учет своим расходам, также не являются средними людьми; во-вторых, когда такие данные приходится восстанавливать по памяти, обнаруживается, что память склонна их искажать под влиянием представлений о том, как следовало бы производить расходы, особенно когда эти данные нужно представлять на суд другого человека. В этой сфере исследований, связывающей домашнее хозяйство с общественным, могут prodать великую работу многие ученые, которые не склонны к более общим и абстрактным умственным занятиям.

Данные, относящиеся к этой теме, уже давно собирались Гаррисоном, Петти, Кантальоном (потерянное Приложение к его работе «Essay on the Nature of Trade», очевидно, содержало и статистику какого-то количества семейных бюджетов), Артуром Янгом, Мальтусом и др. Иден собирал данные бюджетов рабочих семей еще в конце прошлого столетия; много различной информации о расходах трудящихся классов содержат периодически публиковавшиеся доклады комиссий по пособиям для бедных, фабричных комиссий и т. п. Фактически почти каждый новый год мы получаем дополнительный материал по этим вопросам как из государственных, так и из частных источников.

Следует отметить, что метод, использованный Ле Пласом в его монументальном труде «Европейские рабочие» (Le Play. Les Ouvriers Europeens), представляет собой инстинктивное изучение всех деталей ведения домашнего хозяйства небольшим числом типично отобранных семей. Надлежащее его применение требует редкого сочетания здравого подхода к выбору объектов наблюдения с принципиальностью и добросовестностью при оценке полученных данных. Когда им пользуются очень квалифицировано, этот метод является самым лучшим, но когда к нему обращаются дилеттанты, он способен привести к получению гораздо менее достоверных выводов, нежели выводы, получаемые при помощи *экстенсивного* метода более быстрого сбора очень большого количества наблюдений, группировки их по возможности в статистические таблицы и выведения на их основе общих средних данных, в которых, как следует рассчитывать, неточности и противоречия могут до некоторой степени нейтрализовать друг друга.

Глава V ВЫБОР МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ВЕЩИ. НЕМЕДЛЕННОЕ И ОТЛОЖЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

§ 1. Прimitивная домохозяйка, обнаружив, что она располагает ограниченным количеством мотков пряжи из настрига шерсти данного года, прикидывает все домашние потребности в одежде и старается распределить между ними пряжу таким образом, чтобы возможно лучше способствовать повышению благосостояния семьи. Если у нее появятся основания пожалеть, что она не выделила больше пряжи на изготовление, скажем, носков, чем на изготовление фуфаяк, то она в этом случае сочтет, что не справилась со своей задачей. Это означало бы, что она неправильно определила доли пряжи, которые надлежало выделить соответственно на носки и фуфайки, что она завысила долю на фуфайки и занизила долю на носки и что, следовательно, при фактически сделанном распределении полезность пряжи, превращенной в носки, оказалась больше, нежели пряжи, превращенной в фуфайки. Но, с другой стороны, если ей удалось осуществить правильное распределение пряжи, то она изготовила столько носков и фуфаяк, что достигла равного объема полезности от последнего мотка пряжи, использованного на носки, и от последнего мотка, использованного на фуфайки. Это служит иллюстрацией общего закона, который можно сформулировать следующим образом.

Когда человек располагает вещью, которую можно употребить для нескольких целей, он распределит ее между этими целями таким образом, чтобы она имела равную предельную полезность в каждом случае. Если бы вещь обладала при одном виде ее употребления большей предельной полезностью, чем при другом, ее владельцу было бы выгодно изъять какое-то ее количество из второго вида употребления и применить в первом¹.

Один крупный недостаток первобытной экономики, в которой почти отсутствует свободный обмен товарами, заключается в том, что у человека может оказаться одна вещь, скажем шерсть, в таком большом количестве, что, когда он употребляет ее для всех возможных целей, ее предельная полезность в каждом случае низка: в то же время он может обладать таким малым количеством другой вещи, скажем древесины, что ее предельная полезность для него очень высока. Между тем кто-либо из его соседей может испытывать большую нужду в шерсти и располагать большим количеством древесины, чем он способен употребить с пользой. Если каждый из них уступит то, что обладает для него меньшей предельной полезностью, и получит то, что обладает для него большей, оба получат вы-

¹ Наш пример фактически относится к домашнему производству, а не к домашнему потреблению. Но это почти неизбежно, поскольку существует очень мало вещей, пригодных к немедленному употреблению, которые можно применять для многих различных целей. Поэтому доктрина распределения средств между различными видами употребления играет меньшую роль и находит меньше интересных форм приложения в теории спроса, чем в теории предложения. См., например, кн. V, гл. III, § 3.

Распределение средств индивидуума между удовлетворением различных потребностей.

Но человек может обладать слишком большим количеством какой-либо одной вещи, пригодной для многих видов употребления, и в таком малом количестве другой.

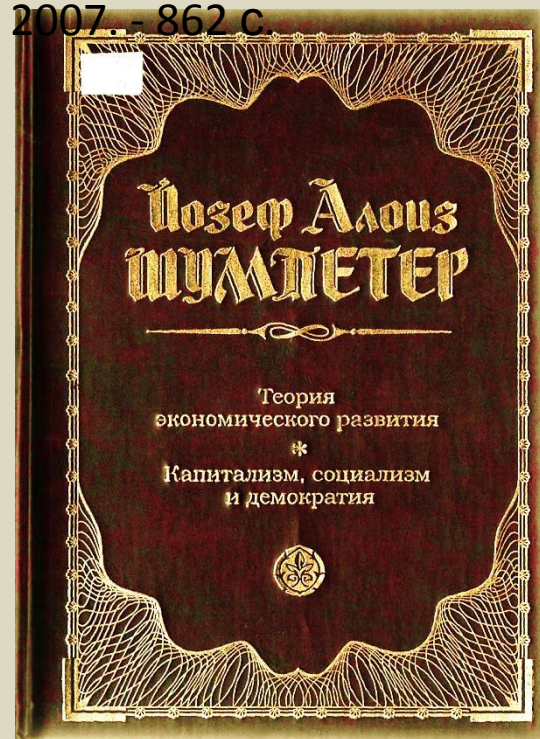
Йозеф Алоиз Шумпетер
(1883 — 1950) — австрийский
и американский экономист,
политолог, социолог и
историк экономической
мысли.

65.02

Ш96

Шумпетер, Йозеф Алоиз.

Теория экономического развития.
Капитализм, социализм и демократия
[Текст] = Theorie der wirtschaftlichen
Entwicklung. Capitalism, Socialism and
Democracy : пер. с нем., англ. / Й. А.
Шумпетер ; авт. предисл. В. Автономов. -
М. : Эксмо, 2007. - 862 с.

2. Две крайности: Швеция и Россия

У каждой страны свой социализм. Однако в тех странах континентальной Европы, вклад которых в культурную копилку человечества совершенно непропорционален их скромным размерам, в частности в Голландии и Скандинавских странах, дела не слишком сильно отличались от английской модели. Возьмем, например, Швецию. Как шведское искусство, наука, политика, общественные институты и многое другое, социализм и социалисты этой страны обязаны своими особенностями не столько своеобразию своих принципов или намерений, сколько тому материалу, из которого вылеплена шведская нация, и ее исключительно уравновешенной социальной структуре. Именно поэтому другим нациям совершенно бессмысленно даже пытаться копировать шведские образцы, разве только пригласить к себе всех шведов и доверить это делать им самим.

Учитывая специфику шведской нации и социальной структуры, нам нетрудно будет понять две самые существенные характеристики шведского социализма. Социалистическая партия, которой почти всегда руководили весьма способные и честные политики, медленно набирала силу в соответствии с совершенно нормальным процессом социального развития, не пытаясь ни опередить его, ни вступить с ним в борьбу ради борьбы, поэтому приход этой партии к власти не вызвал никаких социальных потрясений. Ответственные посты в государстве, естественно, перешли к ее лидерам, которые стали строить свои отношения с лидерами других партий на условиях равенства в поисках общей платформы: до сих пор, хотя в стране, конечно, появилась коммунистическая группа, все разногласия в Швеции по поводу текущей политики сводятся к тому, что кто-то предлагает потратить на некую социальную программу на несколько миллионов крон больше, другие — меньше, но сама эта программа возражений ни у кого не вызывает. А что касается разногласий внутри социалистической партии, то противоречия между интеллигенцией и рабочими можно разглядеть только в микроскоп — отчасти потому, что благодаря высокому культурному уровню тех и других между ними нет пропасти, отчасти потому, что шведский социальный организм производит на свет относительно меньше хронически безработных интеллигентов, чем социальные организмы других стран, и раздраженных интеллектуалов, изводящих себя и других, в этой стране меньше, чем в других. Некоторые усматривают в этом разлагающее влияние профсоюзов на социалистическое движение в целом и на партию в частности. Тем, кто склонен на удочку современного радикализма, может показаться, что так оно и есть. Однако этот диагноз совершенно не воздает должного социальной и национальной среде, продуктом которой являются и

шведские рабочие, и шведские интеллигенты и которая не дает ни тем, ни другим превращать свой социализм в религию. Хотя в учении Маркса можно при желании отыскать место для подобных структур, от среднего марксиста, разумеется, нельзя ожидать благосклонного отношения к социалистической партии шведского типа или хотя бы признания, что в лице такой партии мы имеем дело с подлинно социалистическим движением. Шведские же социалисты, в свою очередь, лишь незначительно были затронуты марксизмом, хотя они часто использовали его лексикон, который соответствовал принятым в то время представлениям о социалистическом этикете, особенно в своих международных контактах с другими социалистическими группами.

Пример другой крайности дает нам Россия, социализм которой был почти чисто марксистским и потому в полной мере пользовался благосклонным отношением ортодоксальных социалистов. Причины его возникновения весьма трудно объяснить, исходя из российских условий. Царская Россия была аграрной страной с преимущественно докапиталистическим укладом. Промышленный пролетариат, поскольку он вообще был достигаем для профессиональных социалистов, составлял лишь небольшую часть 150-миллионного населения⁷. Предприятия торговой и промышленной буржуазии, также весьма малочисленной, по своей эффективности не слишком превосходили прочие уклады, хотя развитие капитализма, поощряемое правительством, быстро набирало темпы. В этой социальной структуре интеллигенция была инородным телом: ее идеи были так же чужды русской почве, как и парижские платья светских красавиц.

Преобладавшая в то время форма государственного устройства, при которой абсолютный монарх (автократ) возглавлял разросшийся бюрократический аппарат и выступал в союзе с земельной аристократией и церковью, была, безусловно, отвратительна многим интеллектуалам. И общественное мнение всего мира согласилось с их пониманием истории. Даже авторы, весьма враждебно настроенные по отношению к тому режиму, который установился после падения царизма, всегда торопятся заверить своих читателей, что и они должным образом возмущены ужасами царизма. Так за частоклоном расхожих штампов совершенно потерялась та простая истина, что эта форма правления не менее точно соответствовала породившей ее социальной структуре, чем парламентская монархия в Англии или демократическая республика в Соединенных Штатах. Достижения российской бюрократии, принимая во внимание условия, в которых ей приходилось действовать, были значительно выше, чем принято считать. Ничего другого,

⁷ В 1905 г. численность фабричных рабочих в России составила примерно 1,5 млн человек.

Спасибо за внимание